

Понедельник
1 Сентября

1

Я вынула из ящика свой летний дневник. Срез был почти идеально ровный, странички — одна к одной. На самой последней я нарисовала бабочку красный адмирал — черные крылышки с ярко-красным ободком, точь-в-точь как у бабочек, что мы видели в поле.

Я расправила бант из желтой ленты, которой был перевязан дневник, и разгладила ладонями обложку. Он, конечно, не потянет на первое место в конкурсе дневников — первое всегда присуждают кому-то из старших, — но, может, получит хотя бы второе место.

С дневником в руках я спустилась вниз.

— Мэг, ты готова? — Триг раскрыл входную дверь и высунулся наружу, держась за косяк. Его дневник валялся на коврик у входа, перетянутый обычной резинкой. — Мы опаздываем. Правда, папа? Опаздываем!

— Ох, Мэгги, — папа покачал головой, глядя на мои ноги. — Со школьной формой надо что-то придумать. Она стала еще короче, чем до каникул.

Папа одернул мне подол, но тот сразу же задрался опять.

— Джед, Джед, Джед! — Триг уже покраснелся от крика.

— Мину-у-уточку, — звонкий голос Джеда пронесся по лестнице.

Из кухни вышла мама, одетая для работы в поле.

— Идите без него, — отрезала она, — сам виноват, что опаздывает.

— Пойдем, Мэгги, — Триг подхватил свой дневник, но я и слышать не хотела о том, чтобы идти без Джеда.

Наконец он вышел — с перемазанным вареньем подбородком, на ходу заправляя рубаху в штаны.

— Летний дневник взял? — спросил Триг.

— Да тут он, — Джед обернулся и хлопнул по заднему карману. Оттуда торчали грязные и мятые страницы.

Папа потянулся стереть с его лица варенье, но Джед увернулся, и мы все выбежали на улицу, на теплый сентябрьский воздух.

Триг бегаёт хуже некуда. К тому же он всю дорогу держал перед собой свой дневник. Нам с Джедом приходилось останавливаться на каждом углу и ждать, пока он нас догонит.

* * *

Доброе утро, миссис Циммерман,
Доброе утро, мистер Темпл,
Доброе утро, мисс Контэ,
Доброе утро, мистер Вебстер,
Доброго утра всем-всем!

В актовом зале пахло началом четверти: чистящим порошком и мастикой.

— Странный запах! Правда, Мэг? Правда, Джед? Какой странный... — Триг ерзал и морщил нос.

— Тс-с, — прошипела я.

Линди Чадри сидела прямо перед нами — ноги по-турецки, прямая, длинноволосая. На подоле ее платья красовалась новая оборка. Джед подвинулся вперед, чтобы сидеть поближе к ней.

Миссис Циммерман сцепила пальцы на животе.

— Мистер Вебстер был так добр, что в свой летний отпуск отчистил в этом зале пол и натер его мастикой. Как нам повезло, не правда ли?

Я разжала пальцы и провела ладошкой по гладкому полу. Как же долго мистер Вебстер, должно быть, тут маялся!

— Пожалуйста, давайте опустим головы для утренней хвалебной песни.

Наши Старшие — герои,
Наши Старшие — таланты,
Наши Старшие — храбрецы.

Позор тому, кто не отсылает Старшего,
Позор всей его родне,
Но прежде всего
Позор бродягам.

Пусть Тихая война
Закончится миром
Раз и навсегда!

Миссис Циммерман подняла голову, склонила ее чуть набок и улыбнулась.

— Добро пожаловать в школу Феннис Вика! Надеюсь, вы хорошо провели каникулы.

Мы грызли ногти и пилились на голые стены, пока она долдонила все, что старший преподаватель обязан говорить в начале четверти.

— Кроме чистки полов, мистер Вебстер успел засыпать наши туалеты. Пожалуйста, не забывайте ходить в новые туалеты, а в старых пусть образуется компост. Смотрите на указатели.

Мы все похлопали мистери Вебстеру.

— Мисс Контэ вернулась к нам после рождения сына, которого назвали Майкл. Он у нее старший. Надеюсь, его отец как-нибудь заглянет во время обеда и покажет нам малыша.

Мы все похлопали мисс Контэ.

— Двум нашим ученицам, Салли Оуэнс и Деб Мерино — обе они, разумеется, старшие, — летом исполнилось четырнадцать, и они отправились в лагерь.

Мы похлопали Салли Оуэнс.

Мы похлопали Деб Мерино.

— И еще двое наших старших уезжают в лагерь уже в эту субботу — Джд Круз и Линди Чадри.

Джд потянулся вперед и толкнул Линди локтем.

От хлопанья у меня уже разболелись ладони.

— А перед тем как мы разойдемся по классам, у меня для вас особая гостья с важными новостями, — и миссис Циммерман указала на вход в зал.

Но никто не вошел.

— *Кхм... особая гостья с важными новостями,* — повторила она, на этот раз немного погромче.

Но никто так и не вошел.

Мистер Темпл кашлянул и мотнул головой в сторону окна.

Мэр Андерсон сидела на ограде площадки для малышей, опершись ногами о гоночную машинку и обхва-

тив обеими руками огромный бутерброд, судя по виду, с сыром. Она дожевала кусок, проглотила и помахала нам.

Миссис Циммерман глубоко вздохнула.

— Будьте так любезны, мистер Темпл, сообщите мэру Андерсон, что мы уже готовы к встрече с ней.

* * *

— О'кей, — мэр Андерсон с всклокоченными, наскоро собранными в хвост волосами возвышалась на сияющем благодаря мистеру Вебстеру паркете. — Я не стану переливать из пустого в порожнее и грузить вас идиотскими вопросами типа «Как вы провели лето?». Хватит вам учителей, да? — и она подмигнула нам, а в ответ раздалось несколько подавленных смешков.

Миссис Циммерман закрыла глаза.

— Зато я вам расскажу, — продолжила мэр Андерсон, — что у нас тут были замечены бродяги, всего в пяти милях к югу от границы Феннис Вика.

Бродяги?

Смешки умолкли.

Миссис Циммерман открыла глаза.

У меня по плечам пробежал холодок.

— Угу, — кивнула мэр Андерсон. — Вчера я была в Городе и говорила с парой коллег. Давненько к нам не забредали бродяги, но в последнее время их становится все больше, — она медленно оглядела зал, буравя взглядом каждого из нас.

— Так вот, — продолжала она, — почему мы не хотим, чтобы бродяги приходили к нам? Кто знает?

Триг поднял руку как можно выше. Он так тянул ее, так подталкивал локоть другой рукой, что не заметить его было просто невозможно.

— Ну, валяй. Говори, Триг.

— Они... это... — Триг уставился в потолок, словно изо всех сил стараясь что-то вспомнить. — *Вонючие... вредоносные... вруны.*

— Вонючие вредоносные вруны, — пробасила мэр Андерсон, оглядывая нас и загибая пальцы. — А ведь в этой войне — подумать только! — они должны были бы быть нашими союзниками.

Она сцепила руки за спиной и, стоя на месте, раскачивалась взад и вперед.

— Наша страна одна из немногих — а может быть, и единственная! — кто успешно дает врагу отпор. Как вы думаете, почему?

Триг снова принялся тянуть руку.

— Отчасти благодаря географическому расположению, — мэр Андерсон кивнула Тригу, как будто он это сказал, — и удивительному свойству нашей страны — самодостаточности, — она снова покивала. — Но настоящая причина выживания нашей страны — в нас! В нас самих, — она широко развела руками. — Мы — народ, который умеет адаптироваться. Стоический народ. Смелый! Мы ценим упорный труд и жертвы во имя общего блага. Наша долгая история полна примеров героической борьбы. Это у нас в крови. А смелее всех у нас, разумеется, старшие.

Она посмотрела на Джеда и Линди. Они опять толкались локтями.

— В лагере, — продолжила мэр, — наши старшие вступают в Тихую войну. Они доблестно, героически сражаются. Сражаются за то, чтобы мы здесь, дома, были в безопасности. Моя единственная дочь Кэролайн отправилась в лагерь десять лет назад. Я ею безумно горжусь.

Мы похлопали Кэролайн.

Мэр Андерсон подняла руку.

— Но вот бродяги, — произнесла она, — бродяги не отправляют своих старших на фронт, — она отрицательно помотала головой. — Их защищают от врага наши храбрые герои, но своих старших они малодушно оставляют при себе. Они не подчиняются указу Эндрю Солсбери, в котором сказано, что *все* должны отправлять старших в лагерь. Они лишают свои семьи цивилизованной жизни, а своих старших — чести защищать страну. Они — вонючие вредоносные вруны. Нужны нам такие тут, в Феннис Вике?

— Нет, мэр Андерсон, — мы замотали головами.

— А кроме того, — мэр подалась вперед и понизила голос, — кроме того, вы знаете, какие зверства творили бродяги, когда в прошлый раз пришли в Феннис Вик. Моя родная сестра была среди погибших.

Она потупила взор.

Кто-то из малышей в первом ряду заплакал.

У Трига затряслись колени.

— Итак, — мэр глубоко вздохнула и подняла голову. — Что мы можем сделать для своей безопасности? Какое правило самое важное?

— Никогда не выходить за границы Феннис Вика! — завопил Триг.

— В точку, Триг Круз! *Никогда не выходить за границы Феннис Вика.* Не забывайте это правило, и бродяги вам не страшны. Помните: вонючие вредоносные вруны. До всех дошло?

— Да, мэр Андерсон, — закивали мы.

Она улыбнулась. Той редкой улыбкой, когда уголки рта ползут вниз, а не вверх.

— Что ж, споем в заключение «Пограничную песню»? — она потерла руки. — Мистер Темпл, подыграете нам на этой развалюхе? Клавиши еще фурычат?

Мистер Темпл поднял крышку пианино. Он переплел пальцы и размял суставы. Их щелканье было слышно на весь зал.

— Да, еще кое-что, пока не запели, — мэр Андерсон перестала улыбаться и облизнула передние зубы. — Выйти за границы нашего городка значит не просто подвергнуть самих себя опасности. Это значит подвергнуть опасности весь Феннис Вик. Ваших друзей, семью, соседей. А тот, кто подвергает наш городок опасности, заслуживает самого сурового наказания. Так что будем соблюдать безопасность, ладненько? Теперь можно запевать, мистер Темпл.

Плачущий малыш зарыдал еще громче.

* * *

Когда мы вернулись в класс, мисс Контэ рассказала нам о временах до Тихой войны и как тогда проводили летние каникулы. Она сказала, что люди летали на самолетах в другие страны. Я нарисовала самолетик в нижнем углу своего кусочка грифельной доски, а потом лизнула палец и стерла.

Иногда я думала, что учителя просто сочиняют всю эту ерунду.

После перемены мисс Контэ попросила нас сдать свои летние дневники. Она обошла парты и собрала большую стопку.

— Буду читать их весь вечер, — объявила она, — и завтра назову победителей.

Я отдала ей свой дневник, стараясь не помять бант.

— Спасибо, Мэдди.

Мэдди?

— Мэгги, мисс Контэ, — засмеялась Линди. — Мэгги, а не Мэдди.

— Ах да, разумеется. Извини, Мэгги, малыш будил меня сегодня ночью раза четыре.

Она положила мой дневник в стопку, а потом навалила сверху еще шесть, примяв ими мой бант.

2

После школы мы переоделись, сняли форму и пошли на кладбище, прямо за боярышниковую изгородь. Пошли охотиться на бродяг.

Это была идея Джеда.

— Лезьте наверх, — крикнул он нам с высоты. — Кто будет следующим?

Он балансировал высоко на дереве, а по его ногам прыгали солнечные зайчики, пробивавшиеся сквозь листву, — от этого казалось, что на нем камуфляжные штаны. Ветви слегка колыхались в знойном воздухе.

Триг, Линди и я, сощурившись, смотрели вверх.

— Поглядите-ка, — Джед указал на юг, за усыпанный красными ягодами боярышник. Часы дедушки Круза блеснули у него на запястье. — Отсюда видно на много миль...

Мое сердце бешено колотилось под футболкой.

— А бродяг ты видишь? — Триг заслонялся от солнца обеими руками.

— Конечно, нет. Пока не вижу, — ответил Джед, — нужно смотреть в оба и ждать.

Он очень высоко забрался. У меня в животе все сжималось от одного взгляда на него.

— Думаешь, мэр наградит нас? — я тоже заслонила глаза. — Ну, в смысле, если мы поймаем бродягу. Она назовет наши имена на собрании в актовом зале?

Джед рассмеялся.

— Ты никогда не выследишь бродягу, Мэгги. Ты же середнячок. Ты даже залезть сюда побоишься.

— Ты вообще трусиха, — Линди оттолкнула нас с Тригом локтем. — Смотри, Джед, я лезу за тобой.

Джед просиял. Для него посидеть там на ветке с Линди — просто предел мечтаний.

Она прошла между двумя могилами, над которыми возвышалось это дерево. На надгробиях были вырезаны старинные имена: Уильям Уиттингтон и Джорджина Миллисент Круз. Джорджина Миллисент Круз была моей прапрапрабабкой. Забавно, что кладбище пахло травой, землей и древесным соком, хотя на самом деле повсюду вокруг нас были древние мертвые родственники.

Линди ухватилась за найденный на стволе выступ; нащупала, куда упереться ногой. Затем подтянулась и нашла, куда упереться чуть выше, а потом — еще и еще. На ней были не шорты, как на мне, а нелепое белое платье, так что ее трусы сверкали бы, даже если б она просто перелезала через забор.

Она почти добралась до Джеда. У меня пересохло во рту.

Они правы: я трусиха. Боюсь лазать. Боюсь охотиться на бродяг. Всего боюсь. Ну и что с того? Что? Они все равно не найдут ни одного бродяги.